

their turn left their traces in the culture of local inhabitants. These peculiarities are reflected in the culture of eastern Lithuanian burial mounds. Moving further to North-East to Finno-Ugric territories through the Western Dvina they underwent strong Baltic influence. In Finno-Ugric surroundings Kryvitch tribes synthesized the culture of early long burials preserving in a greater

part Baltic features. In its later evolution this culture in the upper reaches of the Dniepr and in the Belorussian basin of the Dvina kept the same Baltic character in the type of burial implements and of woman bijoux. Hence the roots of these traditions should be found in Latgalian and East-Lithuanian antiquities of the 3rd quarter of the I C. A.D.

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The distribution of various types of ceramics in layers of settlements situated at lake regions of Braslav district: Tarilovo – the hill-fort (1), the hamlet (2); Zazony – the hill-fort (3), the hamlet (4); Ratiunki – the hill-fort (5). The agreed marking: smoothed ceramics (—), scratched ceramics (- - - - -), polished ceramics, pipe-modeled ceramics (- · - · -)

Fig. 2. The samples of smoothed and scratched ceramics from Ratiunki hill-fort, Braslav district

Fig. 3. The samples of ceramic dishes from Tiasty hill-fort (Marylina Gora), Verkhnedvinskij district

Fig. 4. The samples of ceramics from Tarilovo hamlet Braslav district

Fig. 5. The materials of excavations in Tarilovo hamlet, Braslav district: artefacts of iron (1, 2, 5, 9); stone (3, 4); bone (6–8); clay (11–16)

Fig. 6. (a) The reconstruction of Prudniki hill-fort and hamlet, Mior district; (b) the samples of typical dishes of the 2nd half of the First Millennium A.D. from the hamlet

Fig. 7. A fragment of a dish with a glazed surface. Izbishche hamlet, Lagoj district

Fig. 8. The density of hill-forts in the NW of Byelorussia in the Iron Age in the 2nd half of the First Millennium A.D. (prepared by V.V.Koliada according to the data of the author)

Fig. 9. The ethnocultural situation in the NW of Byelorussia in the 2nd half of the First Millennium A.D. The marking: 1 – Zazony (the hill-fort and the hamlet); 2 – Ratiunki (the hill-fort); 3 – Tarilovo (the hill-fort and the hamlet); 4 – Prudniki (the hill-fort and the hamlet); 5 – Tiasty (the hill-fort); 6 – Barsuki (the hill-fort)

Translated by Inita Tamošiūnienė

Др. Вадим Иосифович Шадыро
Нацыянальная Акадэмія Навук Беларусі,
Інстытут гісторыі Беларусі,
бул. Б. Скарныны 1, 220072–Мінск. Тел. 2 68 58 89.

ДРЕВНЕРУССКИЙ “КЛИН” – БОЕВОЙ ОТРЯД ИЛИ НАСЕЛЕННАЯ МЕСТНОСТЬ?

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ КИРПИЧНИКОВ

Обозначение отряда, построенного в боевой порядок, в русских средневековых источниках большая редкость. И только в Новгородской I летописи и Лаврентьевской (по Академическому списку) в трех случаях и только при описании военных действий встречен термин “клин”, который, по моему мнению, можно идентифицировать как построение воинского подразделения в виде треугольника, иначе, клина¹. Приведу интересные летописные сообщения.

В 1132 (под 6639) г. “иде Всеволод на чюдь; и створися пакость велика: много добрых мужь избиша в клине новгородцы”². Далее. В 1200/1201 (под 6708) г. во время нападения литовцев на район р. Ловати “и нагнашеса новгородци по нихь... и бишася с ними и убиша у них (литовцев) мужь в клине 80, а новгородец 15”³. Наконец, во время набега литовцев в 1234/1235 (под 6742) г. на Русу, рушане вытеснили неприятеля из посада “бьющеся в поле... и (литовцы) отступиша на клин”⁴. Военную операцию успешно завершили конные новгородцы, пришедшие на помощь рушанам и одолевшие нападавших.

В изложенных эпизодах речь, по-видимому, идет о клиновидно построенных конных отрядах новгородцев и их противников, при этом (что подкрепило мое мнение), сообщается о потерях в боевых порядках во время схватки и отступления литовцев, намеренно сохранявших воинский строй (ибо последовало их преследование). Здесь вновь хотелось бы вернуться к комментированию летописного клина, вызывающего разноречивые толкования.

Против предложенного мной понимания термина “клин” решительно высказался В. Л. Янин, настаивающий на том, что все три случая лето-

писного упоминания “клина” не связаны с военной лексикой, а “имеют в виду одну и ту же местность (или один и тот же пункт)”⁵. Для обоснования своей позиции исследователь стремится отыскать клин в районе р. Ловать, где действительно, судя по летописным сообщениям 6708 и 6742 гг., происходили русско-литовские столкновения. В этот ряд не укладывается упомянутое выше известие под 6639 г., повествующее о походе князя Всеволода Мстиславича на чюдь. По этому поводу В. Л. Янин справедливо пишет, что это сообщение “способно породить закономерное сомнение: р. Ловать протекает вдали от любых мыслимых маршрутов движения на Чудские земли”⁶. Сравнивая показания Новгородской I и Ипатьевской летописей, касающиеся данного эпизода, исследователь считает, что в связи с разными системами летоисчисления, тексты источников синхронны и речь, на самом деле идет не о походе на Чюдь, а на Литву. Следовательно, Клин сообщения 6639 г. также мог быть в районе Ловати. С таким утверждением вряд ли можно согласиться. В упомянутых источниках совершенно отчетливо рассказываются о разных по информации, не совпадающих по обстоятельствам и маршрутам, но близких по времени, походах великого князя Мстислава с киевлянами на Литву и князя Всеволода Мстиславича с новгородцами на Чюдь. Таким образом, “клин” 6639 г. не может быть помещен на литовском направлении, а его “приловатское” местоположение, судя по всему, не подтверждается.

Далее. Убедительно определив местоположение населенных пунктов, упомянутых при набегах литовцев в 1200/1201 г., В. Л. Янин рассматривает названный в данном эпизоде “Клин” как место встречного боя враждующих ратей и помещает его

¹ Кирпичников А. Н. 1) Древнерусский воинский отряд “клин” // *Arme et Ollae*. Łódź, 1992. P. 97–100; 2) Ледовое побоище 1242 года и его тактические особенности // *Древний Псков. Исследования средневекового города*. Спб., 1994. С. 113–115.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л. С.22.

³ Там же, с. 239.

⁴ Там же, с. 283.

⁵ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1988. С. 72.

⁶ Там же, с. 72.

примерно в районе среднего течения р. Ловать, на территории, которая, по его мнению, уточняется обстоятельствами следующего военного эпизода.

Переходя к заключительному летописному сюжету с упоминанием рассматриваемого термина, В. Л. Янин пишет, что литовцы, после неудачи под Русой, отступили “на Клин”, находящийся в зоне селения Муравейка на Ловати в 12 км. ниже города Холма. Здесь следует заметить: если Клин в намеченной местности существовал, то был достаточно приметным ориентиром и, возможно, даже “городком”, что, однако, неизвестно.

Слово клин зачастую термин землеведческий, им называли участок земли, надел, полосу. Возникшие в таких местах поселения наследовали этому наименованию, но в силу его определенной обезличенности требовали пояснения. Перечень таких наименований с дополнениями приводит и В. Л. Янин, обнаруживший их концентрацию именно в том месте, где, по его мнению, располагался летописный Клин. Таковы деревни Княжий Клин, Передние Клины, Задние Клины, Малый и Большой Клины. Когда они возникли еще предстоит установить. Обращает внимание, что во всех рассматриваемых летописных примерах “Клин” никак не пояснен, что было бы обычным, если разумелось поселенческое образование.

Относительно формулировки “на Клин”, В. Л. Янин пишет: “Предлог “на” в любом древнерусском тексте при всех нюансах его употребления обозначает направление действия. “Отступить в направлении клина” (!) – такая конструкция возможна лишь тогда,

когда под Клином подразумевается населенный пункт или местность с подобным названием”⁸. Наш оппонент проявил здесь излишнюю категоричность. Предлог “на” мог употребляться и при указании, характеризующем вид, форму предмета или фигуры⁹. Таким образом, в данном случае отступление “на Клин” может подразумевать и населенный пункт или местность и отряд, передвигающийся клином (или в виде клина). Чаша весов в пользу заключения В. Л. Янина перевесит тогда, когда Клин, если он реально существовал, будет обнаружен археологически.

По суждению В. Л. Янина, “отряд построенный в боевой порядок треугольной формы имел в русских средневековых источниках наименование “свинья”¹⁰. Между тем, это слово применялось только в отношении особого немецкого построения в виде глубокой колонны с треугольным увенчанием, что отмечено при описании битв на льду Чудского озера в 1242 г. и при Раковоре в 1268 г. Этот русский термин был образным переводом немецкого *Sweinskopf*¹¹. Подобное построение войска, включавшее рыцарей в головной части строя и кнехтов в тыловой, на Руси, сколько известно, не использовалось. Напротив, иные по устройству и социальной системе подвижные клиновидные отряды были известны на Руси с XI в. и, естественно, получили свое наименование “клин”. В армиях других европейских стран, в том числе и Литве, им соответствовали сходные подразделения, называвшиеся *cuneus*, *acies*, то есть, клин.

SENOVĖS RUSŲ „PLEIŠTAS“ – KOVOS BŪRYS AR VIETOVARDIS?

Anatolijus Kirpičnikovas

Santrauka

Būrio apibūdinimas viduramžių rusiškuose rašytiniuose šaltiniuose – didelė retenybė. Tiksliai Novgorodo I ir Lavrentijaus metraščiuose tris kartus minimas terminas „pleištas“ (клин). Autoriaus nuomone, šį terminą galima identifikuoti kaip karinio dalinio surikiavimą trikampiu. Prieš tokį supratimą termino kategoriškai pasisako V. Janinas, kuris mano, kad rašytiniuose šaltiniuose minimas „pleištas“ nesusijęs su karine leksika. Karinis būrys, išrikuotas trikampiu, rusų viduramžių šaltiniuose, jo nuomone, vadinamas specialiu terminu „свинья“. Termini-

na „pleištas“ V. Janinas priskiria vietovės pavadinimui. Tokią vietovę Lovaties upės rajone, kur iš tiesų, pagal metraščius, vyko rusų ir lietuvių susirėmimai, ir bandė surasti V. Janinas. Jo pateikti kaimų pavadinimai, pavyzdžiui, Kniažnij Klin, Perednije Klini, Zadnije Klini, Malij ir Bolšoi Klini, neaišku kada atsiradę.

Pleištu sustatyti kariniai daliniai Rusijoje buvo žinomi nuo XI a., ir natūralu, kad tokį pavadinimą gavo. Kitų Europos valstybių kariuomenėse, tarp jų ir Lietuvos, rusišką terminą „pleištas“ atitiko *cuneus*, *acies*.

Iš rusų k. vertė Vytautas Kazakevičius

THE ANCIENT RUSSIAN “WEDGE” – IS IT A MILITARY DETACHMENT OR A GEOGRAPHICAL NAME?

Anatolij Kirpichnikov

Summary

A definition of a detachment is rarely met in Russian written sources of the Middle Ages. Only in the Chronicles of Novgorod I and Lavrentij the term “wedge” (“*клин*”) is used for three times. In the opinion of the author, this term may be identified as a lining of a military detachment as a triangle. However, V. Janinas categorically protests against such interpretation of the term: according to him, “a wedge”, mentioned in written sources, is not related to military vocabulary. In his opinion, a military detachment, lined as a triangle, in Russian written sources of the Middle Ages is named “a pig” (“*свинья*”). V. Janinas ascribes the term “wedge” to

the geographical location. V. Janinas made efforts to find such location near Lovat river, where battles between Russians and Lithuanian took place according to chronicles. He presented names of villages, such as Kniazhij Klin, Peredniye Kliny, Zadniye Kliny, Malij Klin, Bolshoj Klin, but the time of their appearance is not known.

Military detachments, lined as “a wedge”, were known in Russia from the 11th century, so the appearance of this term is natural. In armies of other European states, including Lithuania, the equivalents of Russian “wedge” were *cuneus*, *acies*.

Translated by Inita Tamošiūnienė

Проф. др. Анатолий Николаевич Кирпичников
Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук,
Дворцовая наб. 18, 191065–Санкт-Петербург. Тел. 3 19 14 84.

⁷ Там же, с. 76; сравни Спасов Клин (там же, с. 78).

⁸ Там же, с. 77.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 13.

¹⁰ Янин В. Л. Новгород и Литва, с. 77.

¹¹ Кирпичников А. Н. Ледовое побоище 1242 г., с. 111.